

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения № 1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

ДВОЙНОЙ ДЕТЕКТИВ ОТ ЗВЕЗДНОГО ТАНДЕМА А. И С. ЛИТВИНОВЫХ

В свободном падении

•

Исповедь черного человека

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *И. Успенского*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64

В свободном падении ; Исповедь черного человека / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Двойной декор от звездного тандема А. и С. Литвиновых).

ISBN 978-5-699-89967-8

«В свободном падении»

Алексей Данилов, волнуясь, сходил с трапа самолета — он давно не был в родном городе и только сейчас, став известным экстрасенсом, решился приехать на гастроль. Здесь когда-то погибла его мама, и он наконец решил выяснить, что же случилось в тот хмурый осенний день на пустынном морском берегу. Его сразу отыскала старая подруга матери, и Алексей узнал: та вовсе не случайно упала с обрыва. А потом к нему тайно обратилась незнакомая девушка и предложила избавиться от слежки, которую Алексей чувствовал с первого дня...

«Исповедь черного человека»

Жанна мечтала о красивой жизни и хотела, чтобы ей кто-нибудь ее обеспечил. Вилен мечтал «зацепиться» в Москве и был готов ради этого на все. Между ними сразу возникла симпатия, но они не могли осуществить желания друг друга, поэтому стали добиваться своего поодиночке. Это не отменяло приятных встреч, начавшихся... после женитьбы Вилена на москвичке Лере, состоятельной генеральской дочке. Все они встретились на дне рождения Леры. Самолюбие Вилена было полностью удовлетворено: за одним столом сидели его жена и любовница! Если бы он знал, что вечер закончится убийством...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2016
ISBN 978-5-699-89967-8 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

В свободном падении

Глава первая

АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВ¹

В небесах я чувствую себя великолепно.

Звучит в моем случае двусмысленно. А еще само-надеянно. По-пижонски. Очень снобистски, честно говоря, звучит.

Но к черту оглядки. Я буду говорить только то, что думаю и чувствую. И прошу никакого подтекста и второго смысла в моих речах не искать. А то с вас станется. Еще станете утверждать, что я описал второе пришествие. А я пишу просто дневник, и больше ничего.

И говоря о прекрасном самочувствии в небесах, я всего-навсего имею в виду: я люблю летать на самолетах.

Мне нравится грандиозный вид под крылом. И удобные кресла. И пища, что тебе продуманно приносят в пластиковой коробочке, покрытой пленкой. Сидишь, попиваешь кофеек, жуешь бутерброд — и в полном смысле слова находишься между небом и землей.

Из одного мира, из одной жизни вылетел, а в другую еще не прилетел.

Поэтому ты с полным правом можешь заниматься в полете чем угодно. Тебе дарят пару часов между двумя твоими жизнями. До полета — и после. А ты стараешься это время убить. Приканчиваешь минуты со знанием дела: глубокомысленно пролистыва-

¹ С героем вы уже встречались в романе Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят».

8 ешь глянцевый журнал, неспешно попиваешь кофе.

Я вообще-то не хотел ехать в Энск. Слишком близкое все, слишком родное. Слишком много вибраций. Но Сименс прицепился! Поехали да поехали, единственный из крупных городов, где мы никогда не были, иные уж по два-три раза окучили, в Питере почти прописались, а Энск... К тому же город портовый, а значит, денежный, люди не бедствуют, стало быть, и платить смогут полной горстью. А то после гастролей в Смоленске с Липецком еле командировочные свои отбили.

Гастроли — так мы с Сименсом наши выезды называем. Сходство, конечно, имеется. Особенно если помнить, что воры и шулеры тоже свои визиты гастроллями именуют. Правда, не очень понятно, на чьи экспедиции мои путешествия похожи больше: эстрадных звезд или карманников. Хотя смысл заездов и у первых, и у вторых, и у меня — одинаковый: чес. То есть отъем денег у населения, с той или иной степенью законности.

Я ведь только в начале своей карьеры считал, что у меня есть некая Миссия. Что я должен Выполнить Свое Предназначение. Но теперь понимаю: предназначение — туфта на постном масле. Нет у меня, как и у большинства людей на земле, никакой особенной миссии. И моя жизнь — как и жизнь каждого из нас, людишек, — есть просто способ существования белковых тел. Немногим отличающийся, по сути, от размножения и гибели плесени.

Думать, что ты можешь повлиять на судьбу человечества, — самонадеянно и опасно. В моем случае — опасно смертельно. Потому что означает — заноситься перед лицом Бога или Судьбы (смотря в кого ты веришь). Но! В кого бы ты ни верил, он или она (Бог или Судьба) — словом, высшие силы — заносчивых карает, и весьма жестоко. К примеру, только раскрылился человек управить судьбой если

не всей планеты, то огромной страны — как 9
вдруг, бах, инсульт, и ничем он уже не управ-
ляет, а, напротив, колясочкой инвалидной вместе с
ним, прикованным, нянечка рулит. А он радостно
мумукает, пытается объяснить, куда его катить надо.

В моем ведь случае особо опасно заноситься. По-
тому что на жизнь одного, отдельно взятого челове-
ка (или группы людей) я повлиять как раз таки могу.
Это не отрицается ни мной, ни кем иным из зна-
ющих меня товарищей. (Другой вопрос, насколько
благоотворно в конечном итоге мое влияние, но если
мы эту тему начнем обсуждать, боюсь, разговор до
завтрашнего утра не кончится.) Когда у тебя дей-
ствительно есть способности не просто вернуть за-
гулявшего мужа в семью, но и заставить его заново
полюбить благоверную — если об этом всерьез за-
думываться, то недалеко до идеи, что ты, скромный
человечишко, равен богам. А вот это как раз опас-
нейшее заблуждение. Которым я, повторяюсь, не
страдаю.

Подобные иллюзии исчезли у меня давно. А вот
прожить самому вкусно да достойно — другое дело.
Ну, может, хорошим людям чем-нибудь помочь. Это
мне по силам. Но в подобных устремлениях я не
слишком отличаюсь от большинства землян.

Поэтому свой весьма странный талант я давно
уже не воспринимаю как нечто супер-пупер-осо-
бенное. Просто кому-то Бог вручил при раздаче
удивительно гибкий позвоночник, и он зарабатыва-
ет на арене человеком-змеей. Кому-то (как Симен-
су) он выдал умение считать, как ЭВМ. Кому-то —
талант и страсть к бизнесу, как моему отцу, а мне
вот... Даже не знаю, как определить одним или хотя
бы двумя словами мои таланты. Третий глаз? Экс-
трасенсорика? Ясновидение? Эти слова настолько
затасканы и скомпрометированы мошенниками,
что их даже произносить не хочется. К тому же сии
термины довольно неполно и слабо отражают суть

10 моего дарования. Я лично свою способность называю Дар. Слишком самонадеянно, да? Но я же даю это определение про себя и не кричу о том на каждом перекрестке. К тому же сотни людей могут подтвердить: дар — не дар, но определенные способности у меня и впрямь имеются. И потому безо всякой особой рекламы, только благодаря легчайшим, инспирируемым Сименсом слухам — в каждом новом городе меня начинают ждать. И даже раздувать вокруг моего грядущего визита ажиотаж.

Особенно — в городе моего детства.

ВАРВАРА КОНОНОВА

Мой командир, полковник Петренко, звонит мне когда заблагорассудится. Если он на дежурстве и хочет что-нибудь сказать в три часа ночи, он не комплексует. Снимает трубку и набирает мой номер. А когда я однажды попыталась втолковать ему, что у меня есть право на отдых и какую-никакую личную жизнь, полковник поставил меня по стойке «смирно» и вдохновенно прочел короткую, но жесткую лекцию на тему, что я: а) являюсь военнослужащей; б) наше подразделение, согласно наставлению, находится на постоянном боевом дежурстве и в) сверхсекретная комиссия, где мы с ним оба, между прочим, служим, обязана самым оперативным образом откликаться на вызовы времени. Потом он сказал: «Кругом», и... и как ни в чем не бывало продолжил в дальнейшем свою практику. И я смирилась. Не потому, что сильно верила в уже изрядно побитую молью миссию нашей комиссии, нет. А во многом потому, что ночные петренковские звонки все ж таки звучали нечасто — раз в месяц в среднем. Можно потерпеть. К тому же полуночные разговоры с товарищем полковником были по меньшей мере занимательны. Или даже полезны.

Сегодня он позвонил всего-то полпервого — я

еще даже заснуть не успела, медитировала над книжкой. Всякий раз полковник начинал свои ночные разговоры с одной фразы:

— Спишь?

— Чего хотели, Сергей Александрович? — совсем не по-уставному отвечала я.

— Твой подопечный начал активничать, — мрачно молвил Петренко.

— Какой из?.. У меня подопечных много.

— Данилов. Алексей.

— А-а, тот парнишка из Москвы! Горящее дерево и прохождение сквозь стену в аэропорту Шереметьево?

— Да, и он уже далеко не парнишка. Я прикинул: ему за тридцать перевалило.

— Что он натворил?

— Собирается на родину свою, в Энск.

— Ну и что?

— Как — что? — начал заводиться полковник. — Там живет... Забыла?

— Ах да. Но Данилов уже бывал в Энске.

— Да, но тогда ей одиннадцать лет было. А он в свой прошлый приезд там собственную свадьбу праздновал.

До меня потихоньку стало доходить, чего опасается мой командир, и меня пронзил, словно электрический разряд, острый приступ страха. Но я все-таки пробормотала:

— Ну, раз собрался — значит, пусть себе едет...

— Ты что, не понимаешь, Варвара, что им ни в коем случае нельзя встретиться?

Теперь я в голосе Петренко услышала слабый, но отголосок того, чего я еще никогда в его речах не слыхивала (а в очах не видывала). А именно — страха.

— Все равно вероятность очень мала, — проговорила я, — в Энске населения тысяч двести живет. А то и триста.

— А если у них есть... — начал было полковник, но оборвал себя и сказал достаточно жестко: — Ко-

12 роче, чтобы эти двое повстречались, нельзя допустить ни при каких обстоятельствах. Ни за что. И я тебя уполномочиваю на применение любых методов. Вплоть до... — Пауза, тяжелое дыхание в трубке, а затем: — Вплоть до физического уничтожения.

— Значит, я должна ехать следом за Даниловым?

— А ты сомневалась?

— Он знает меня в лицо, товарищ полковник.

— А ты не светись. И потом: что, я тебя должен учить искусству маскировки?.. В общем, выезжай немедленно. Я попрошу заказать тебе билет на самый ранний утренний рейс.

АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВ

Я напрасно внушал себе, что мой вояж в Энск — это ПРОСТО ПОЕЗДКА. Одна из многих. Обычные гастролы, и ничего более.

Что ошибался, я понял, уже сходя с трапа. В тот момент, когда миновал стюардессу, дежурившую у люка, сказал ей «спасибо» за полет, ответил на ее резиновую улыбку — и ступил на первую ступеньку лестницы.

Я почувствовал родной запах. Он проник в меня. Теплый и влажный воздух. Аромат полыни. Благоухание, знакомое мне с детства. С самых первых моих лет.

И еще — родной пейзаж. Пустое, как стол, летное поле, а дальше — кусок степи с выжженной на солнце травой. И еще дальше — море: синяя полоска.

И, мгновенно, вспышкой: я бегу по берегу, а навстречу мне — мама. Я, наверно, маленький, потому что вижу ее снизу вверх. А она улыбается и простирает ко мне руки. А за ее спиной — удаленной полоской, как сейчас, — море.

— Ну, проходите же! — вырвал меня из забытья возмущенный голос за спиной. Картинка, необык-

новенно ясно вспыхнувшая перед моим внутренним взором, исчезла, вибрация погасла, я побежал по трапу вниз, чтобы не задерживать нетерпеливую женщину позади меня, а также прочих пассажиров.

Я забрался в автобус, заполненный людьми и вещами, и, боясь, что на меня опять нахлынет, постарался сконцентрироваться на постороннем.

Вот, к примеру, девушка. Надо просто избегать с ней контакта глазами и молвить что-нибудь нейтральное:

— А здесь совсем теплынь. Наверное, купаться можно.

Девушка отвернулась. Посадка ее головы выражала легкое высокомерие. Она находилась еще в том юнопровинциальном возрасте, когда всякие обращенные к ней слова мужчины воспринимаются как попытка кадриться. Потому и отвернулась, что мои потуги показались ей недостаточно впечатляющими. Я мог посмотреть на нее, понять и обнаружить, какие, например, мужские слова и поступки подействуют на нее бронебойно, стопудово, на все сто процентов — но зачем? Зачем она вообще нужна мне? Только как отвлекалка от прошлого. От этого пейзажа с морем на заднем плане. От этого запаха. От детства. От воспоминаний.

Меня должен был встретить Сименс. Но для начала мне требовалось пройти через здание аэропорта. И в тот миг, когда я спрыгнул со ступеньки автобуса, увидел справа новое здание аэровокзала: бетон, тонированное стекло, двадцать первый век. А слева — здание аэропорта старого, каким я его, оказывается, помнил. Воздушные ворота в моем старом городе были совсем другой архитектуры, чем нынче. Сооружение со шпилем, в стиле сталинского ампира. Чем-то похоже на провинциальный железнодорожный вокзал. Слегка приземленный морвокзал в Сочи. Или — сильно уменьшенный Северный

14 речной порт в Москве. Масштаб меньше, социалистический пафос тот же. Ложно-классические колонны, завитки — в детстве они казались мне кремом на бисквитном торте.

И опять — мгновенный и неконтролируемый нырок в прошлое. (Эх, зря я сюда вернулся!)

Мы — тогда еще моя семья — находимся внутри аэровокзала. В каком-то отдельном (от прочих пассажиров) помещении, по-советски роскошном: красные портьеры, громоздкие кресла в белых чехлах, пузатый цветной телевизор под потолком, а на буфетном столе, на скатерти — питье и закуска: бутылки «Буратино», жигулевского пива, бутерброды с ветчиной, сыром и икрой. Еда и питье не куплены нами, но в то же время их никто не продает. Как на пикнике: подходи и бери, сколько хочешь.

Теперь, с высоты нынешних лет, я понимаю, чем была та комната в старом здании аэровокзала, — депутатской она называлась. ВИП-зал по-советски. Значит, мой отец тогда уже дослужился до депутатской комнаты. И мы там втроем: отец, мама и я. Какой это год? Мои воспоминания на более ранний срок, чем восемьдесят первый, не простираются. Значит, идет год восемьдесят второй, третий или четвертый. Мне — лет пять.

Родители такие молодые-молодые. Я вижу, как отец откупоривает бутылку и разливает им с мамой по рюмкам коньяк. А она наливает лимонад мне и кладет для меня щипцами на тарелочку бутерброд с черной икрой. Я никогда не видел раньше черной икры. Она меня пугает. На белом аппетитном хлебе, на ярком размазанном масле — кучка чего-то иссиня-черного. Никогда не ел ничего подобного.

— Не хочу я этого! — Я кривлюсь и отталкиваю тарелку.

— Дурачок, — смеется мама, — это же икра, дефицит, надо кушать, пока дают.

— Не надо, не надо, — шутливым тоном говорит

отец, у него прекрасное настроение, — не дай бог, понравится ребенку деликатес, что мы тогда с ним будем делать? Не прокормим! Давай лучше выпьем за начало нашего отпуска! — И он чокается своим коньяком с маминой рюмкой и лихо опрокидывает свою. 15

А мною овладевает бес противоречия. Как?! Папа говорит: не ешь — значит, надо попробовать.

Поэтому я осторожно беру с тарелки бутерброд и еще более осторожно надкусываю, а потом жую, прислушиваясь к своим ощущениям. И — отец был прав, мне начинает нравиться, я откусываю еще кусочек, потом еще и быстро съедаю все. Мама смотрит на меня и тихо смеется. В тон ей улыбается отец. Я замечаю это и надуваюсь. Мне хочется добавки икры, но теперь, после смешливой реакции родителей, совестно просить. А тут и ситуация меняется: к столу подходит властная женщина с пышной прической — обычно такие дамы, я уже успел заметить, шумные, высокомерные и нахальные. Но эта говорит папе тихо и даже угодливо:

— Сергей Владиленович, проходите, пожалуйста, на посадку.

— Сколько с меня? — спрашивает у женщины отец, и я испытываю приступ разочарования: оказывается все эти яства, «Буратино», коньяк и икра, что стояли на столе, не бесплатны (как я подумал вначале).

— Рубль восемьдесят пять.

Отец протягивает тете деньги, говорит:

— Сдачи не надо.

— Ой, да ну что вы, Сергей Владиленович, — смущается дама.

Мама берет меня за руку. Прикосновение ее руки приятно, и я вдруг испытываю приступ счастья: я — с родителями, и мы все вместе куда-то едем! Чего еще могу я желать? Чего еще может желать ребенок?

Я очнулся уже на выходе из здания вокзала. Я не помнил, как прошел вместе со всеми пассажирами в